

Религиоведение. 2025. № 1. С. 67–76.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2025. No. 1. P. 67–76.

DOI: 10.22250/2072-8662-2025-1-67-76

Степанова О.Б.

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН;
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 3
stepanova67@mail.ru

О взаимоотношениях причта Николаевской церкви на р. Таз с местным населением: исторический аспект

Аннотация. Статья посвящена изучению истории деятельности миссионерской Николаевской церкви на р. Таз и её отношений с коренным населением. Тема эта до сих пор не имела отдельного исследования, в чём состоит её научная значимость и новизна. Актуальность темы подчёркивается растущим интересом к истории своего края жителей Красноселькупского и Тазовского районов ЯНАО. В результате исследования были сделаны следующие выводы. Первую задачу миссионерской деятельности причта Николаевской церкви составляло крещение тазовских инородцев и обучение их основам христианства. В период с 1719 г., когда появилась церковь, по 1800 г. всё местное население было крещено. Однако за все время существования Тазовской церкви её священнослужителям так и не удалось сделать своих прихожан истинными христианами. Более успешно они выполняли вторую, связанную с первой, задачу – представляли русское государство в колонизированных им землях. Этими двумя миссиями связи Тазовской церкви с местными жителями не ограничивались. Вследствие территориально-административных контактов населения с церковью вокруг неё возникло село Церковенское, из которого впоследствии вырос районный центр посёлок Красноселькуп. Между причтом и прихожанами часто складывались «неуставные» отношения: в одних случаях церковнослужители, попирая нормы морали и закона, путём обмана, потакания порокам и эксплуатации наживались на своих подопечных, в других – устанавливали с ними брачно-родственные связи. Разносторонние отношения причта Николаевской церкви с прихожанами оставили заметный след в культуре, истории и памяти тазовских народов.

Ключевые слова: народы р. Таза, причт Тазовской Николаевской церкви, миссионерская деятельность, христианизация, колонизация, социальные отношения

Olga B. Stepanova

Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
3 Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia
stepanova67@mail.ru

On the Issue of Relationships between the Clergy of the Nicholas Church on the Taz River with the Local Population: Historical Aspect

Abstract. The article studies the history of the missionary activities of the Nicholas Church on the Taz River and its relationship with the local population. The growing interest in the history of this region among the residents of the Krasnoselkupsky and Tazovsky districts in the Yamal-Nenets Autonomous Okrug emphasizes the relevance of this topic. As a result of this study, the following conclusions were drawn: 1. The main task of the clergy's missionary work was to baptize Taz members of national minorities and teach them the basics of Christianity. This process began in 1719 when the church was founded, and continued until 1800. 2. However, despite two centuries of the existence of the Tazovskaya Church, its clergy were never be able to fully convert their parishioners to true Christians. Instead, they more successfully fulfilled another, incidental, mission: representing the Russian state on the lands they colonized. "Hazing" relations often developed between the clergy and parishioners: in some cases, clergy violated the norms of morality and law and profited from their charges through deception and indulgence in vices, while in others, they established marriage and kinship ties. The diverse relationships between the clergy at the Nicholas Church and parishioners have left a noticeable mark on Taz peoples' culture, history and memory.

Key words: peoples of the Taz River, clergy at the Tazovskaya Nicholas Church, missionary work, Christianization, colonization, social relations

Введение

В статье исследуется деятельность священнослужителей миссионерской церкви Св. Николая на р. Таз и след, который они оставили в истории района за время существования церкви – с 1719 г. до 1920-х гг. Рассматривается миссионерская работа причта по обращению в христианскую веру местных жителей – селькупов и тазовских ненцев (в старых источниках – остяков и юраков) и контакты с ними, лежащие за рамками выполнения миссионерского долга – отношения административно-территориального, просветительского, брачно-родственного и противоправного (обман, вымогательство, эксплуатация) свойства и т.д. Проблема взаимоотношений причта Тазовской церкви с населением Таза остаётся белым пятном в сибиреведении, в чём состоит её научная новизна. Актуальность теме придаёт возросший сегодня интерес к истории края и населяющих его народов со стороны органов управления, краеведов, архивных и музейных сотрудников, СМИ и просто жителей Красноселькупского и Тазовского районов Ямало-Ненецкого автономного округа.

Изучением вопросов, связанных конкретно с Тазовской церковью, пока никто из учёных не занимался. В выборе направлений исследования помог изданный МАЭ РАН в 1979 г. сборник «Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.)», в статьях которого были сформулированы главные проблемы христианизации сибирских народов. В основу исследования легли два недавно обнаруженных источника, содержащих большой объём подробных описаний жизни и деятельности причта Тазовской церкви. Это публикация священника Павла Герасимова «О Тазовском приходе» в трёх частях, вышедшая в 1877 и 1880 гг. в газете «Иркутские епархиальные ведомости», и документ «Путевой журнал священника Тазовской Николаевской церкви Михаила Сулова, с 28 декабря 1876 по 24 января 1877 гг.», хранящийся в Государственном архиве Красноярского края [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14. Л. 66–77 об.]. Оба ценных источника данной статьёй вводятся в научный оборот. Ряд сведений о причте был почерпнут из Метрических книг Тазовской Николаевской церкви за 1877–1902 гг., книги являются собственностью Красноселькупского районного краеведческого музея. К источникам, на которые опиралось исследование, следует отнести материалы о брачно-родственных связях причта Тазовской церкви с аборигенным населением, содержащиеся в статье историка, этнографа и антрополога А.П. Щапова «Историко-географические и этнологические заметки о Сибирском населении» [Щапов, 1927], собранные им в 1866 г. во время экспедиции в Туруханский край, и сведения о тазовском дьяконе, обогащавшемся за счёт своих прихожан, и эксплуатации остяков церковнослужителями, изложенные в работе «Баишенские «остяки» (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в.» [1931] этнографа П.Е. Островских, служившего в 1899–1904 гг. помощником податного инспектора по Туруханскому краю.

В статье также учитывались краткие упоминания о Тазовской церкви, сделанные учёными-путешественниками. Такие записи оставили Г.Ф. Миллер, навестивший берега Таза во время Второй Камчатской экспедиции, проходившей в 1739–1740 гг. [Элерт, 1996, 211], К. Доннер, ожидавший в пустовавшем доме священника новых проводников в январе 1913 г. [Доннер, 2008, 91], и И.Н. Шухов, который проезжал мимо церкви в 1914 г. [Шухов, 1915, 42]. Эти упоминания представляли ценность для исследования в том смысле, что по ним можно определить годы, когда церковь работала или пустовала.

Изучение темы проводилось с помощью анализа, описания и метода исторической ретроспективы. В экспедиции 2024 г. к селькупам, когда автором собирался материал о Тазовской церкви, применялся метод интервьюирования информантов – жителей пос. Красноселькуп.

Результаты

Различные виды социальных связей начали развиваться между священнослужителями и местным населением с момента постройки Николаевской церкви – на правом берегу р. Таз, чуть ниже устья впадающей в него р. Худосей. Несмотря на то, что главным предназначением церкви была миссионерская деятельность, стоит начать рассмотрение этих связей с той из них, которая обеспечила церкви одно из самых почётных мест в истории района. Эта связь была обусловлена географи-

ческим расположением церкви и построенным при ней для проживания священнослужителей домом: они находились на пути, который соединял Таз с административным центром Туруханском, и играли роль станка, где проезжающие мимо путешественники могли остановиться на ночлег, согреться и получить кров. Когда рядом с церковью появился (вероятно, в конце XIX в.) магазин¹, она оказалась точкой притяжения для нескольких семей аборигенов, из чьих, пусть и сезонных, жилищ, разместившихся вокруг, образовался поселок, который в 1897 г. под названием села Церковенского зафиксировала статистическая Перепись населения народов России. С началом советского периода – когда церковь уже не работала – в Церковенском находился родовой Совет и кооперативное общество со складом товаров. В первой половине 1930-х гг. из-за пересыхания русла Таза и трудностей с подвозом товаров село перенесли на 40 километров ниже по течению реки и переименовали в пос. Красноселькупск, позже получивший статус административного центра новообразованного Красноселькупского района [Приложение, 2023, 7]. В декабре 2023 г. сотрудники Красноселькупского районного архива смогли документально доказать факт наследования посёлка Красноселькуп селу Церковенскому и законодательно утвердили 1897 г. датой основания районного центра, чем «состарили» его ровно на 40 лет [Об установлении, 2023, 6]. Таким способом этот пространственно-административный вид социальных связей актуализировал роль Тазовской церкви в местной истории.

Тем не менее, первопричиной всех связанных с Тазовской церковью исторических событий была миссионерская направленность её деятельности. Миссионерство служило орудием христианизации коренных народов Сибири, которая проводилась Русской православной церковью в рамках колониальной политики государства. На протяжении двух веков причт Тазовской церкви вносил в этот процесс глобального масштаба и значения свою лепту.

Какие отношения устанавливались между тазовским причтом и местными жителями при выполнении им миссионерского долга? Как пишет Герасимов, главной миссионерской обязанностью тазовского причта была веропроповедническая деятельность по *«просвещению св. крещением язычествующих инородцев»* и *«утверждение новокрещённых прихожан в истинах христианской веры и жизни»* [Герасимов, 1880b, 49–51]. Первое успешное крещение тазовских жителей произошло в 1719 г., ещё до появления церкви, постройка которой стала следствием этого события. Крещение совершил «маститый старец» Филофей (Федор Лещинский) – митрополит Тобольский и Сибирский, который прибыл на Таз из Тобольска по рекам Иртышу и Оби, через Обскую и Тазовскую губы. На встрече с ним инородцев, которых гражданское начальство собрало на месте «погорелого города Мангазеи, *«возвещённое им Слово Божье оказалось действительным в их сердцах»*. Поскольку численность новопросвещённых была значительна, Филофей «озаботился» построить для них церковь во имя Святителя Николая Чудотворца, *«на месте, где существует и настоящая церковь»* [Герасимов, 1877, 199]. Приход Тазовской церкви был открыт в том же 1719 г., причт её состоял из священника, дьячка и пономаря [Герасимов, 1880a, 39; 1880b, 49].

Характерно, что собирать инородцев для первого крещения митрополиту Филофею помогало гражданское начальство – христианизация повсюду проходила при активном участии и поддержке государства. Всё сибирское коренное население вскоре оказалось в числе прихожан православной церкви.

Причт Николаевской церкви продолжил начатое Филофеем дело и за несколько следующих десятилетий охватил, согласно своим же подсчётам, св. крещением всё население Таза. В 1800 г. в приходе Тазовской церкви значилось более 1000 душ обоего пола: *«остяков тымских 32 чума с 226 м.п., 233 ж.п., кароконских 22 чума с 186 м.п., 145 ж.п.; всего остяков 412 м.п., 378 ж.п.; юраков 17 чумов с 111 м.п., 105 ж.п. об. пол. 216 душ, а тех и других 1006 душ»* [Герасимов, 1880b, 51–52].

Второй миссионерской задачей причта Тазовской церкви было «утверждение прихожан в истинах христианской веры и жизни» и исполнение духовных треб. Эта деятельность подробно описывается в «Путевом журнале» Михаила Суслова, который был священником Тазовской церкви в 1875–1879 гг. За время объезда своего

прихода он многократно служил (в чумах, Тазовской церкви, избе при казенном хлебозапасном магазине у Сидоровской пристани и в часовне Василия Мангазейского) утреню, обедню и вечерню, совершал Божественную литургию, один раз – панихиду по Св. Василию Мангазейскому, проводил молебны с водоосвящением и Крестный ход, крестил детей, исповедовал, причащал, венчал и отпевал, делал увещания, вразумлял, благословлял и напутствовал. Укрепляя в прихожанах христианскую веру, священник показывал им, как правильно делать крестное знамение и произносить молитвы, объяснял значение действий, связанных с крещением, исповедью, очищением от грехов, причастием, рассказывал им о празднике Богоявления с изложением учения о Троице, о Тайной вечере, о благословении Иисусом Христом хлеба и вина, как тела и крови его и т.д., читал брошюры о печорских святых, «Путь к спасению» и статью «Дарьюшка-странница» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14. Л. 66–77 об.].

Несмотря на почти поголовное участие оказавшихся на пути Сулова инородцев в проводимых им христианских обрядах, в его путевом дневнике содержится много фактов, которые указывают на то, что у остяков и юраков не было ни скольконибудь глубокой веры в Иисуса Христа, ни понимания христианских истин. Во время объезда своего прихода он обнаружил несколько некрещёных детей возраста, далёкого от младенческого, невенчанных супругов, которых нельзя было повенчать, так как муж-жених находился на промысле и дома отсутствовал. Сулов не единожды встречал тех, кто не знал молитв и не помнил своего христианского имени, места и имени священника, который его крестил, отчего отказывал им в причастии; попадались ему и такие, «которые требовали больших усилий, чтобы привести их в трепет пред Невидимым Богом и заставить откровенно говорить» о своих грехах [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14. Л. 72], а также двоеженцы и сквернословы, отвечавшие отказом внимать его увещаниям и вразумлениям. Священник радовался, если инородцы могли произнести хоть одну молитву (большинство из них не знали русского языка), осенить себя крестным знамением, давали согласие на крещение младенца и т.д.

Кроме незнания русского языка, причинами невосприимчивости инородцев к христианской вере Сулов называет большие расстояния, разделявшие священников и прихожан, и проблемы с транспортными средствами, которые не позволяли им регулярно встречаться. При этом Сулов выказывает непонимание силы и развитости укоренённого в тазовских инородцах языческого мировоззрения, не дающего им принять христианскую веру. Об остяках он пишет: «Они – остяки, но по отдалённости от церкви и бедности (они не имеют даже оленей, на которых бы могли приехать к церкви), весьма мало слышали об истинах веры, а иные положительно не знают, во что они веруют!» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14. Л. 69].

Дополнительные трудности для контактов тазовского причта с прихожанами создавали перерывы, которые случались в его проживании на Тазу, при церкви. Объяснялось это тем, что дом для причта, если его вовремя не обновляли, периодически приходил в непригодное для жизни состояние. Сулов, когда совершал объезд закреплённого за ним прихода, жил в Туруханске, поездка состоялась лишь благодаря оказии: его пригласил в свой возок Отдельный пристав Рознатовский, направлявшийся на Таз по служебным делам (для ревизии хлебозапасного магазина у Сидоровской пристани); для того, чтобы поехать на Таз самостоятельно, Сулов не мог получить оленей [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14. Л. 66]. Будучи на Тазу, священник провёл осмотр жилого дома при церкви и оценил возможность его ремонта. «Дом оказался не годным для жительства, за ветхостью своей, впрочем, не столько за ветхостью, сколько за отсутствием хозяйственного надзора за ним. О нуждах дома составлен Акт и смета на исправление его» [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14. Л. 68]. Известно, что впоследствии дом был отремонтирован, и Сулов переехал жить к Тазовской церкви, дьячком при нём состоял Иван Баранов [Герасимов, 1880b, 51]. О пустыющей церкви пишет также Доннер: «13-го января я добрался до так называемой церкви на Тазе – ветхого одинокого строения на берегу реки, ширина которой здесь достигает нескольких километров. В округе нет ни священника, ни христиан, в церкви хозяйничает самоедский шаман. Рядом – убогая деревянная лачуга – приют заблудившегося путника» [Доннер, 2008, 91]. Однако годом позже, в 1914 г., по свидетельству И.Н. Шухова, церковь вновь была обитаема.

Низкая эффективность веропробоведнических миссионерских усилий наблюдалась во всех инородческих приходах Сибири. Как признавалось духовенством того времени, в том числе высшими его чинами, характер приобщения к православной вере у народов Сибири был поверхностным, оно именовало инородцев язычествующими христианами, двоеверцами и отмечало у них постоянную тенденцию к дехристианизации [Христианство, 1979]. Намного заметнее миссионеры преуспели, представляя государство в колонизированных им землях. Суслов свидетельствует, что большинство встреченных им прихожан, имея смутные представления о христианской вере, легко и охотно соглашалось участвовать в христианских обрядах, то есть, очевидно, прихожане относились к священнику как к представителю власти, которому следует подчиняться. Навязывая местному населению нравственные основы русского общества и государства, церковь осуществляла надзор за поведением и состоянием умов своих прихожан и влияла на них, удерживая в рамках повиновения.

К официальным, опять же государственным, обязанностям всех российских церквей относился учёт населения; священники вели метрические книги, куда записывали данные о рождении, крещении, венчании и смерти прихожан, ежегодно подсчитывая итоговое количество каждого вида событий. Метрические книги Тазовской церкви 1877–1902 гг., один из источников данного исследования, отражают, что при работе священника без сбоев, по-видимому, когда он при церкви жил, его контакты с подопечными были достаточно широки: им регулярно фиксировались главные события в жизни значительного числа прихожан. За несколько периодов в книгах содержится совсем мало записей, или они вообще отсутствуют – вероятно, тогда священника в церкви не было.

Влияние миссионерской деятельности церкви на культуру коренного населения нельзя назвать значительным, но всё-таки оно имело место быть. Христианизация оставила отпечаток, например, в селькупской мифологии: в ней обосновался демон Кэристос с огромным зубастым ртом, людоед [Мифология, 2004, 157–158]; в селькупском культе появились иконы, к которым относились как к «истуканам» и «шайтанам», считали их духами-охранителями и в жертву приносили приклады [Шатилов, 1927, 154, 158]. Доказательством влияния христианизации на тазовских селькупов, проявившегося спустя много лет, могут служить полевые материалы автора, собранные в проходящих на Тазу экспедициях: в послевоенные годы в больнице пос. Красноселькуп санитаркой работала сосланная немка, которая «вращая пальцем вокруг пупка», «подпольно» крестила всех новорождённых, в том числе селькупских младенцев, и матери их приветствовали этот ритуал [ПМА 2024]. А жители селькупского посёлка Рагта, что в верховьях Таза, в конце 2000-х гг. добились постройки у себя православной часовни. Одна из информанток назвала причину, по которой они всем посёлком желали её открытия – детей крестить. Другой рагтовский житель крестился в зрелом возрасте, чтобы крест и христианская вера защитили его от шаманских духов, причиняющих ему мучения (от так называемой шаманской болезни) [ПМА 2008]. То есть крещение и христианский крест вошли в культуру селькупов в качестве магического защитного средства, охраняющего человека от всякого зла.

За всё время существования Тазовской церкви причт её получал очень маленькое жалованье и денежную компенсацию для покупки хлеба, которых ему не хватало, чтобы прокормить семью. Не могли заметно повысить доход плата прихожан мягкой рухлядью за исполнение треб и самостоятельные занятия причта пушным промыслом, поскольку промысел зависел от «урожайности» зверя, которая из года в год сокращалась. Не приносила много пользы и рыбная ловля, так как сбыт рыбы на Тазу отсутствовал, и её потребление оставалось только домашним [Герасимов, 1880а, 40].

В поиске новых источников дохода некоторые причты занялись вымогательством у прихожан и потворством их порокам с корыстной целью:

«В 1823 г. остяцкий князец Егор Андреев заявил проезжающему чиновнику для ревизии хлебных магазинов, что многие ясачные к нему приносили жалобу на священника В., что он за исправление христианских треб притесняет их, как-то: берёт за свенчание брака 50 белок, которые же оных не имеют, то лисицу или со-

боля; за крещение 10 белок, за молитву скверноядшим 5 белок, тоже и с женицин за молитву очистительную, и за очищение совести 10 белок и не меньше; а в случае неотдачи бьёт по щекам и таскает за волосы. <...> В 1832 г. благочинный священник² Петров знал, что: 1) остяки, два родных брата, Осип и Матфей Солготины держат родных сестёр, из коих первый венчан, а второй, не венчан, и те оба остяка с ними наживают детей, а священник получает по чёрной лисице за молчание; 2) остяк Иван Калин, имея законную жену, с дозволения священника, держит и побочную, давая ему за то по 800 белок; 3) остяки Абрам и брат его Кондратий живут с родными своими сёстрами с коими прижили детей, давая за это подарки священнику; 4) остяк, Пётр Калин прижил родной своей сестре младенца, который, будучи уже на взносе, скинут матерью от сильных побоев, нанесённых ей Петром в согласии с другим братом его, а священник за молчание получил подарочек» [Герасимов, 1880а, 41–43].

Духовная консистория проводила расследование обоих случаев и пришла к выводу, что причт злоупотреблял своим служебным положением и нарушал закон, однако наказания преступника за этим не последовало. «Епархиальное начальство затруднилось скоро приискать ему преемника, так как и найдя такового, оно не могло положить преграды к возобновлению противозаконных действий причта, средства которого по обстоятельствам времени, были весьма ограничены» [Герасимов, 1880а, 42]. Лишить Тазовский приход самостоятельности начальство тоже не решилось, «имея в виду отдалённость сего прихода от других приходов и затруднительность сообщения с ними, равно имея в виду и самих прихожан, состоящих исключительно из одних инородцев, ведущих бродячую жизнь, и следовательно требующих бдительного надзора за образом их жизни» [Герасимов, 1880а, 43].

О безжалостной эксплуатации инородцев тазовским диаконом-католиком Мелентовым в 1901 г. писал также Островских: «На этого Мелентова часто жаловались туземцы, что он летом возил сотни кг груза, и туземцам приходилось бечевою тянуть огромную грузовую лодку вверх по р. Турухану, от Туруханска и далее на запад перетаскивать лодку волоком на притоки р. Таза». Мелентов пользовался обязанностью инородцев быть «подводчиками по наряду» и, как и другие сопровождающие, нагружал их сверх всякой меры и обманывал при оплате [Островских, 1931, 167–168]. Непорядочное отношение священнослужителей к инородцам, несомненно, не помогали укоренению в них христианской веры.

Не все тазовские священники строили отношения с остяками и юраками с нарушением норм морали и закона, большинство их, несомненно, до такого не опускалось. Суслов, например – самый известный из всех священников Тазовской церкви, был миссионером-подвижником, он много ездил по своему приходу с проповедями о вере и благонравии, выучил селькупский язык и беседовал с прихожанами на их родном языке (позже он стал автором первого селькупско-русского словаря) [Власенко, http://xn----7sbbimrddb3alvdfgd8eufwc.xn--p1ai/articles/stati_arhivistov/179].

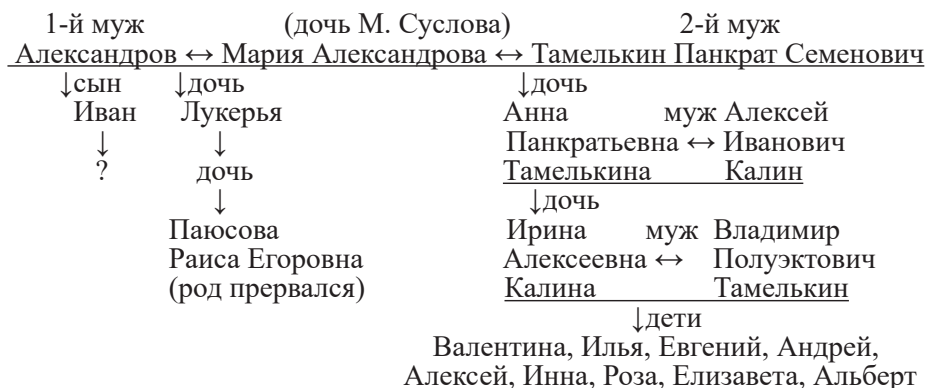
Добрые отношения причта с прихожанами и долгое соседство нередко приводили к тому, что семьи священнослужителей смешивались с семьями инородцев. Историк Щапов приводит сведения, наилучшим образом характеризующие эту сторону отношений тазовского причта с инородцами:

«На Тазу не только русские женились на остяках, но даже и дочери священников выходили замуж за остяков. Тазовские остяки и русские в Туруханске рассказывали нам, например, такую родословную, которую мы передаём слово в слово по их рассказу. У Тазовской церкви был поп, у него жена была остячка. От них родился сын Андрей и женился на русской: у него было 2 сына – Евграф и Егор. Евграф женился на остячке и оставил после себя 2 дочери и 4 сына. Все 4 сына женились тоже на остяках, а дочери вышли замуж за остяков. Евграф и Егор до того однако-ж “объостячились”, что записались даже по-остяцки в ясак. Несмотря на то, Егор женился на дочери новоприбывшего тазовского священника Петра, девице Татьяне, и выбран был князем (кук) тазовских остяков. Другая дочь того же тазовского священника, Наталья, выдана была замуж за остяка, в крещении названного Кузьмой, и родила сына, который по крестному отцу прозван был Ив. Верецагиным. Этот Верецагин, в свою очередь, женился тоже на остячке,

записан был в ясак и имел 6 детей – полурусских, полуостяков по крови и обличью. Потом, тазовская “поповка” Наталья, по смерти остяка Кузьмы, вышла замуж за казака Сотникова, и от них произошёл род казаков Сотниковых, проживающих в настоящее время на низу Енисея, в Дудинке, известных туземных богачей, сколько обеспечивающих инородцев хлебом, столько же и обирающих их. Третья дочь тазовского священника Петра, Настасья (Анастасия), вышла замуж за тазовского остяка Романа. От них остался сын Варфоломей, записан теперь в ясак и женат на остятке. Две дочери его замужем тоже за остяками. На остятке же тазовской женат и туруханский мещанин Селиванов: остятка эта – вскормленница тазовского священника Верещагина. Много есть ещё такой смешицы, да всего не переберёшь, всех не перечтёшь, – так заключили казаки свой единогласный рассказ, подтверждённый и остяками тазовскими» [Щапов, 1937, 98–99].

Если соотнести сведения Щапова со списком священников Тазовской церкви, которые приводит Герасимов, можно утверждать, что священник Пётр, чьи три дочери вышли замуж за остяков и родили детей, которые тоже породнились с остяками – это Пётр Анциферов, служивший в церкви два срока – с 1784 до 1790 гг. и с 1806 до 1817 гг. Следом за ним церковью заведовал Александр Владимирович Верещагин, пономарём при котором с 1820 по 1835 г. служил Константин Иванович Верещагин [Герасимов, 1880b, 51].

Во время полевой работы в пос. Красноселькуп в 2024 г. автором была записана ещё одна «поповско»-селькупская родословная: селькупской семьи Калиных-Тамелькиных. Её авторы – Снежана Ильинична Окоэтто и Валентина Владимировна Тамелькина. Путём опроса многочисленных родственников, изучения записей в Метрических книгах Тазовской Николаевской церкви и запросов в различные архивы, они установили, что их семья находится в родстве со священником Михаилом Сусловым. Якобы Суслов, когда приехал служить в Тазовскую церковь из другого прихода, привёз с собой жену-якутку (Дроздову?), взрослую дочь, которая была замужем за неким Александровым, и двух внуков – детей дочери – Ивана и Лукерью. На Тазу дочь второй раз вышла замуж за селькупа Тамелькина Панкрата Семеновича («его мать была русская, дочь попа»). Их дочь Анна Панкратьевна Тамелькина вышла замуж за Алексея Ивановича Калина, сказителя, внука знаменитого шамана Тама Иры (Давыда Калина). Дочь Анны и Алексея, Ирина, стала женой Владимира Полуэктовича Тамелькина, у них родились дети: Валентина, Илья, Евгений, Андрей, Алексей, Инна, Роза, Елизавета, Альберт. Снежана Ильинична Окоэтто и Валентина Владимировна Тамелькина – составители родословной – соответственно, дочь и сестра Ильи Владимировича Тамелькина [ПМА 2024].

Илл. 1. Родословная Тамелькиных-Калиных в схематичном виде

По словам Валентины Владимировны и Снежаны Ильиничны, из Москвы в Красноселькуп с надеждой найти в нём своих родственников «недавно» приезжал правнук Сулова, но это событие случилось намного раньше, чем они занялись своей родословной [ПМА 2024]. Селькупов, находящихся в родстве с Тамельки-

ными-Калиными, в Красноселькупе много, «половина посёлка», следовательно, все они одновременно будут находиться в родстве с Сусловым. Кроме того, в посёлке проживает несколько семей селькупов Андреевых – потомков рода князьцов Андреевых, о которых пишет Герасимов (см. цит. выше), и они тоже, по свидетельству Шапова, имеют родство, как минимум, со священником Петром Анциферовым. Андреевы упоминаются как остяцкие князцы в работах этнографов до конца 1920 гг. Примечательно, что родовыми угодьями Андреевых, по свидетельству нынешних селькупов, когда-то была местность, где располагалось с. Церковенское [ПМА 2024]. То есть и таким способом – через генофонд коренного населения – священнослужители Тазовской Николаевской церкви оставили свой след в истории района. Характерно, что практически все потомки священников и селькупов перешли жить в селькупскую среду и были приняты в ней, как селькупы.

Последний вид отношений причта Тазовской церкви с местным населением, о котором здесь будет сказано, – это первые шаги, сделанные священниками в направлении ликвидации безграмотности остяков и юраков и получения ими начального образования. Сулов проводил с прихожанами беседы о благотворности грамотности и предложил одному остяку отдать своих детей – сына четырёх лет и дочь шести лет – в училище, и *«остяк согласился, обещаясь доставить их в Туруханск лично, летней порой»* [ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14. Л. 76]. После Тазовского прихода, занимая другие церковные должности, Сулов основал несколько церковно-приходских школ для детей инородцев, где был заведующим и преподавателем [Власенко, http://xn----7sbbimrdb3alvdvfgd8eufwc.xn--plai/articles/stati_arhivistov/179]. Количество детей, прошедших обучение в таких школах, не было большим, школы постоянно испытывали нехватку финансирования и в итоге закрывались. Дело, начатое миссионерами, продолжили советские работники культуры и образования.

Выводы

Итак, в результате деятельности тазовского причта, начало которой было положено в 1719 г., установилось несколько видов отношений, связывающих Николаевскую церковь с коренным населением Таза и оставивших заметный след в местной истории. К наиболее значимым из них современные жители Красноселькупского района относят административно-пространственные отношения: они привели к образованию вокруг Тазовской церкви села Церковенского; в 1930-е гг. село было перенесено на другое место и переименовано в посёлок Красноселькуп, позже получивший статус районного центра.

Основной смысл существования Тазовской церкви и главную обязанность её причта составляла миссионерская работа среди «язычествующих инородцев» Таза. Первую задачу, которая заключалась в крещении инородцев и обучении их основам христианства, причт успешно решил: к 1800 г. всё местное население было крещено. Поскольку остяки и юраки крепко держались за свои культурные традиции и воспринимали только внешнюю сторону православной религии, в обязанность священнослужителей входило также укрепление в них веры в Иисуса Христа и сопротивление их постоянной тяге к дехристианизации. За 200 лет бытности Тазовской церкви её причту так и не удалось сделать из жителей Таза истинно верующих христиан. Причт Тазовской церкви, как и все причты православных церквей Сибири, выполнял ещё одну важную миссию, отличную от религиозной – он представлял русское государство в колонизированных им новых землях, среди новых народов. Миссионерская деятельность оставила определённый отпечаток в культуре тазовских народов, к нему, в частности, относится привычка к крещению, которая проявлялась у них и после закрытия церкви, в советское время, и сохраняется до сих пор: крест и крещение приобрили в мировоззрении тазовских жителей значение оберегов. Миссионерская работа, выполняемая причтом Тазовской церкви, была частью глобального исторического процесса и самой важной ролью, которую он играл в местной истории.

У причта с прихожанами сложилось два типа «неуставных» личных отношений, выходящих за рамки его служебных обязанностей. Из-за скудного содержания некоторые священники превышали свои полномочия и, нарушая закон, увеличивали свой доход путём вымогательства, потакания порокам, обмана и эксплуатации ино-

родцев, что, разумеется, мешало причту выполнять миссионерский долг. К другому типу относятся брачно-родственные связи священников и их детей с коренными жителями. О том, какой след оставили они в истории района, говорит память, которую хранят о своих предках-священнослужителях современные селькупы.

Библиографический список

1. Власенко, Т.А. Служил богу и отечеству / Т.А. Власенко. – Архивы Красноярского края. – URL: http://xn---7sbbimrdbk3alvdfgd8eufwc.xn--plai/articles/stati_arhivistov/179 (дата обращения 10.07.2024).
2. Герасимов, П. Несколько слов о приходе Тазовской Николаевской церкви / П. Герасимов. – Иркутские епархиальные ведомости. – 1877. – № 14. – С. 189–200.
3. Герасимов, П.О Тазовском приходе. Часть 2 / П. Герасимов. – Иркутские епархиальные ведомости. – 1880а. – № 4. – С. 39–48.
4. Герасимов, П.О Тазовском приходе. Часть 3 / П. Герасимов. – Иркутские епархиальные ведомости. – 1880b. – № 5. – С. 49–55.
5. Доннер, К. У самоедов в Сибири / К. Доннер. – Томск: Ветер, 2008. – 176 с.
6. Мифология селькупов. Серия: энциклопедия уральских мифологий. – Томск: ТГУ, 2004. – 382 с.
7. Об установлении даты образования села Церковенск. Решение № 246 Думы Красноселькупского района. – Северный край. – 2023. – № 50. – С. 6.
8. Островских, П.Е. Баишенские остяки (остяко-самоеды) Туруханского края в конце 19 в. / П.Е. Островских. – Советский Север. – 1931. – № 7–8. – С. 161–181.
9. Полевые материалы автора, 2008 г., место сбора – Красноселькупский район Тюменской области.
10. Полевые материалы автора, 2024 г., место сбора – Красноселькупский район Тюменской области.
11. Приложение к решению № 246 Думы Красноселькупского района от 19 декабря 2023 г. Информация о дате образования станка Церковенск, с 1937 г. переименованного в село Красноселькуп Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа. – Северный край. – 2023. – № 50. – С. 7.
12. Государственный архив Красноярского края. Ф. 667. Оп. 1. Д. 14.
13. Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Л.: Наука. 1979. – 227 с.
14. Шатилов, М.Б. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района (путевые заметки) / М.Б. Шатилов. – Труды Томского краеведческого музея. – Томск. 1927. – Т. I. – С. 139–168.
15. Шухов, И.Н. Общий обзор бассейна реки Таз (по данным Таз-Тунгусской экспедиции И.Н. Шухова в 1914 г.) / И.Н. Шухов. – Ачинск: Тип. К.Ф. Крестникова. 1915. – 44 с.
16. Щапов А.П. Историко-географические и этнологические заметки о Сибирском населении. Собрание сочинений: дополнительный том к изданию 1905–1908 гг. / А.П. Щапов. – Иркутск: Восточносибирское областное издательство. 1937. – 378 с.
17. Элерт, А.Х. (сост.) Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / А.Х. Элерт (сост.). – Новосибирск: Сибирский хронограф. 1996. – 310 с.

Текст поступил в редакцию 14.07.2024.

Принят к печати 14.08.2024.

Опубликован 27.03.2025.

¹ В 1901 г. тазовский диакон-катихизатор Мелентов вёл обширную торговлю, доставляя на Таз товары из Туруханска [Островских, 1931, 167].

² Благодичинный священник надзирал за порядком в определённом церковном округе в составе епархии.

References

1. Donner K. *U samoedov Sibiri* [Among the Samoyeds of Siberia]. Tomsk: Veter, 2008, 175 p. (in Russian).
2. Elert A.Kh. (comp.) *Sibir` XVIII v. v putevykh opisaniyakh G.F. Millera* [Siberia of the 18th century in the travel descriptions of G.F. Miller]. Novosibirsk: *Sibirskiy khronograf*, 1996, 310 p. (in Russian).
3. Gerasimov P. *Irkutskiyeparkhial'nyye vedomosti* [Irkutsk Diocesan Gazette]. 1877, no. 14, pp. 189–200 (in Russian).

4. Gerasimov P. *Irkutskiyeyeparkhial'nyyvedomosti* [Irkutsk Diocesan Gazette]. 1880a, no. 4, pp. 39–48 (in Russian).
5. Gerasimov P. *Irkutskiyeyeparkhial'nyyvedomosti* [Irkutsk Diocesan Gazette]. 1880b, no. 4, pp. 49–55 (in Russian).
6. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya* [State Archive of the Krasnoyarsk Territory]. Fund 667. Inventory 1. File 14 (in Russian).
7. *Khristianstvo i lamaizm u korennoy naseleniya Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Christianity and Lamaism among the indigenous population of Siberia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka, 1979, 227 p. (in Russian).
8. *Mifologiya sel'kupov. Seriya: entsiklopediya ural'skikh mifologiy* [Mythology of the Selkups. Series: encyclopedia of Ural mythologies]. Tomsk: TSU, 2004. 382 p. (in Russian).
9. Ostrovskikh P.E. *Severnnyy kray* [Northern area]. 1931, no. 7–8, pp. 161–181 (in Russian).
10. *Polevyye materialy avtora, 2008 g., mesto sbora – Krasnosel'kupskiy rayon Tyumenskoy oblasti* [Author's field materials, 2008, place of collection – Krasnoselkupsky district, Tyumen region] (in Russian).
11. *Polevyye materialy avtora, 2024 g., mesto sbora – Krasnosel'kupskiy rayon Tyumenskoy oblasti* [Author's field materials, 2024, place of collection – Krasnoselkupsky district, Tyumen region] (in Russian).
12. *Severnnyy kray* [Northern area]. 2023, no. 50, p. 6 (in Russian).
13. *Severnnyy kray* [Northern area]. 2023, no. 50, p. 7 (in Russian).
14. Shatilov M.B. *Trudy Tomskogo krayevedcheskogo muzeya. T.I.* [Proceedings of the Tomsk Museum of Local Lore. T.I.]. Tomsk, 1927, pp. 139–168 (in Russian).
15. Shchapov A.P. *Istoriko-geograficheskiye i etnologicheskiye zametki o Sibirskom naselenii. Sobraniye sochineniy: dopolnitel'nyy tom k izdaniyu 1905-1908 gg.* [Historical, geographical and ethnological notes about the Siberian population. Collected works: additional volume to the 1905-1908 edition], Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye regional'noye izd, 1937, 378 p. (in Russian).
16. Shukhov I.N. *Obshchiy obzor basseyna reki Taz (po dannym Taz-Tungusskoy ekspeditsii I.N. Shukhova v 1914 g.)* [General overview of the Taz River basin (according to the Taz-Tunguska expedition of I.N. Shukhov in 1914)]. Achinsk: Tip. K.F. Krestnikova, 1915, 44 p. (in Russian).
17. Vlasenko T.A. *Sluzhil bogu i otechestvu* [Served God and Fatherland]. *Arkhivy Krasnoyarskogo kraya* [Archives of the Krasnoyarsk Territory]. Available at: http://xn----7sbbimrdkb3alvdfgd8eufwc.xn--plai/articles/stati_arhivistov/17918 (accessed on July 10, 2024) (in Russian).

Submitted for publication: July 14, 2024.

Accepted for publication: August 14, 2024.

Published: March 27, 2025.